

Т.А. Ложкова

«МЫ БЫЛИ ДЕТИ ДВЕНАДЦАТОГО ГОДА»: ОБРАЗ РУССКОГО ОФИЦЕРА В ВОЕННОЙ ПРОЗЕ Ф.Н. ГЛИНКИ

Произведение Ф.Н. Глинки «Письма русского офицера» является итогом долгой работы над замыслом, возникшим еще во время кампании 1805 года. После завершения военных событий писатель тщательно дорабатывал его и, наконец, опубликовал в течение 1815-1816 годов. Центральный персонаж, офицер, повествующий о событиях, свидетелем и участником которых он был, – новое для русской литературы явление, художественно выразившее важнейшие процессы, развивавшиеся в сознании определенной части русского общества и в итоге завершившиеся возникновением декабристского движения. Чтобы понять суть этих процессов, следует, для начала, уточнить представление о той роли, которую играло офицерство в общественно-политической ситуации рубежа XVIII-XIX веков.

История России неотделима от истории русской армии, особенно с начала XVIII века¹. Как справедливо отмечает С.В. Волков, офицерство, чьей монопольной сферой было развитие военного дела, уже в этом смысле представляло собой один из важнейших субъектов отечественной культуры². Однако, указывает исследователь, деятельность представителей офицерского корпуса распространялась в той или иной мере и на другие культурные области. Одной из таких сфер была военная публицистика и журналистика. Круг читателей военных изданий не ограничивался только офицерами, тем более что обычно эти издания не замыкались на военных проблемах. Специальные военные периодические издания выходят в России с самого начала XIX в.: газета «Русский инвалид», «Военный журнал», редактором которого в 1817-1819 гг. был Ф.Н. Глинка, «Морские записки, или Собрание всякого рода касающихся вообще до мореплавания сочинений и переводов, издаваемых при Государственной Адмиралтейской коллегии комитетом» (редактор – адмирал А.С. Шишков, как известно, активно участвовавший в литературном движении начала XIX века).

Важнейшей областью, обязанной своим развитием главным образом офицерам, стали географические исследования. Русские мореплаватели были в абсолютном большинстве адмиралами и офицерами русского военно-морского флота. Русская медицинская наука в значительной степени развивалась благодаря представителям военной медицины. И в области технических наук, среди людей, сделавших важнейшие изобретения и технические усовершен-

ствования, мы встречаем немало представителей офицерского корпуса.

С.В. Волков напоминает, что многие русские писатели были связаны с офицерской средой: «Как хорошо известно, офицерами были Г.Р. Державин, М.Ю. Лермонтов, граф А.К. Толстой, А.А. Фет, Ф.М. Достоевский, граф Л.Н. Толстой, сыновьями офицеров – И.А. Крылов, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин и т.д. Вообще же среди тысяч русских литераторов XVIII – начала XX в. таких насчитывалось более трети, причем среди писателей XVIII в. офицеры или выходцы из офицерских семей составляли не менее 42,8%, среди писателей XIX – начала XX в. – не менее 30,5%. Если учесть, что офицерство составляло в населении страны сотые доли процента, эти цифры следует признать огромными»³. Многие офицеры были замечательными музыкантами, художниками, скульпторами. Словом, вряд ли вызывает сомнение тот факт, что русское офицерство как в целом, так и через отдельных своих представителей было неразрывно связано со всеми областями отечественной культуры, являлось частью творившего ее социального слоя и внесло огромный вклад в ее развитие.

Важнейшим обстоятельством, спецификой службы офицеров было то, что они постоянно общались с народной солдатской массой. При этом взаимоотношения офицеров с солдатами были неоднозначными. Они вместе сражались, делили тяготы и лишения походной жизни и честь победы над противником. Но имели место и другие формы взаимодействия. Так, например, в эпоху дворцовых переворотов XVIII века гвардия зачастую являлась решающей силой в борьбе за власть. Роль солдат в переворотах, как правило, была не менее важной, чем роль офицеров-заговорщиков: «Такие заговоры, которые иногда могут быть отмечены как коллективные преступления, часто приводят к нарушению присяги со стороны военных, участвующих в деле. Интрига отдельных лиц сопровождается чем-то вроде солдатского бунта. Чтобы свергнуть существующую власть, считающую армию своей опорой, приходится прибегать к тому же войску или к той его части, которая могла бы пойти за своим вождем, нарушая служебную присягу и играя роль слепого орудия в его руках. Солдаты, которые в таких случаях исполняют приказания своих офицеров, часто и понятия не имеют о том, что они делают и зачем, и совершенно не сознают, что совершают клятвопреступление»⁴. В случае неудачи солдаты жестоко наказывались, хотя вина их была лишь в том, что они выполняли приказы офицеров, сажавших угод-

¹ См. об этом подробно: Михайлов А.А. Военная элита в Санкт-Петербурге XVIII-XX веков. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2004/1sec/lih_2004_1_29.pdf.

² Волков С.В. Офицеры и русская культура // Волков С.В. Русский офицерский корпус. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://swolkov.narod.ru/rok/09.htm>.

³ Там же.

⁴ Брикнер А.Г. Смерть Павла I // Военно-исторический журнал. – 2008 – № 6. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mil.ru/info/1068/11278/11845/25231/46968/52834>.

ного им монарха на трон. Это обстоятельство не могло не накладывать своего отпечатка на нравственные аспекты личности офицеров. Да и сама легкость дворцовых переворотов, несомненно, оказывала на них деморализующее влияние. Между тем, моральный облик офицера в силу его особого места в общей историко-культурной жизни страны имел огромное значение, влияя на нравственный облик всей нации.

Заметная деморализация офицерской среды к концу XVIII века была обусловлена и теми изменениями в управлении русской армией, которые имели место при смене монархов. Наиболее важными представляются в этом отношении процессы, имевшие место в период воцарения императора Павла I, который решительно сломал систему, созданную его великой матерью, Екатериной II. Армия екатерининской эпохи не была идеальной. Но были в этой армии качества, делавшие ее лучшей в Европе. Императрица редко ошибалась в выборе своих помощников, доверяла им, что давало инициативным, талантливым и независимым офицерам большие возможности для развития своих сил и способностей⁵.

Все резко изменилось, когда на трон взошел Павел I. Прежняя система воспитания и обучения войск была решительно сломана, суворовская «наука побеждать» искоренялась жестко и последовательно. Русская военная жизнь получила «экзерциргаузное направление». Началась эпоха бессмысленных и утомительных осенних и весенних маневров, бесконечных вахтпарадов, бесцельной муштры, ежедневных продолжительных строевых учений. Был введен прусский устав, самая отрицательная сторона которого, по мнению Н. Морозова, заключалась во внедрении в армию новых понятий и взглядов на воспитание: «Начиная с Петра I наша система обучения и воспитания войск основывалась на глубоко правильном психологическом принципе "доверия" к силам и усердию исполнителей. Новый устав краеугольным камнем поставил полное недоверие ко всему <...> Полное недоверие к исполнителю и подрыв доверия к собственным силам, таким образом, стали символами, поведшими армию к духовному разложению, ибо может быть тверд только тот, кому доверяют, может проявлять инициативу только тот, кто уверен в своих силах»⁶. Гибельнее всего отразилась новая система на воспитании армии. Прежние принципы долга и чести, примера начальника, обаяния его личности заменились «принципом палки» в том или другом виде. В результате грубость и унижение личности стали в русской армии обычным явлением. От подчиненных требовалось безусловное повиновение, любая инициатива подавлялась в зародыше.

Унаследованная от прусской армии фрунтоманья была не причудой Павла I, а сознательной и последовательной политикой. Как справедливо указы-

вает Ю.М. Лотман, прусская система обучения делала солдата и офицера врагами. Солдат ненавидел офицера больше, чем неприятеля, и офицер отвечал ему тем же⁷. Тем самым Павел пытался обезопасить себя от переворота, ему казалось, что враждебно настроенные по отношению к офицерам солдаты не поддержат их в случае заговора, а может быть, даже и сами арестуют потенциальных бунтовщиков. Он старался устранить любые возможности для объединения солдат и офицеров. Попытка царя избежать заговора, как известно, провалилась. Но дух недоверия между солдатами и офицерами, посеянный Павлом, дал свои всходы.

В первые годы царствования Александра I преклонение перед иностранцами стало одной из самых резких и характерных черт русской военной системы. Н. Морозов замечает: «Поистине поразительно, до какой степени сам Император Александр I являлся горячим последователем плац-парадных идей и уставных пунктиков. В 1813 г., пропуская мимо себя в Полоцке славный Московский гренадерский полк, шедший за границу после Великой Отечественной войны, Государь сделал ряд следующих замечаний старику-фельдмаршалу, только что спасшему Россию: "Мундиры в полку были обожжены, в заплатах, офицеры сбивались с ноги; кивера у многих – солдатские, сабли – медные". На все замечания Кутузов только отвечал: "Славно дерутся, Ваше Величество, отличались там-то и там-то" <...> Известно, что самые боевые полки армии не участвовали при вступлении в столицу Франции – их вид был *недостаточно* для этого *наряден*. А при этом после взятия Парижа Государь наравне с Барклаем хотел пожаловать фельдмаршалом Аракчеева»⁸.

Однако объективные обстоятельства складывались не в пользу желаний и стремлений царствующих особ. Начало XIX века ознаменовалось целым рядом крупных военных кампаний, следовавших одна за другой. Сильным потрясением для всей нации стала Отечественная война 1812 года. Она быстро расставила все по местам, с первых же дней изменив жизнь русского общества в целом, и в первую очередь – армии: «На войне само собой отпало множество ненужных, но в мирное время обязательных деталей армейской жизни. Отпали не только парады, но и побудки, потому что на войне никого не будят, и никого спать не укладывают – этим занимается неприятель. Здесь уже не требуют с солдат петличек, вычищенных сапог. А главное – офицерская молодежь оказалась гораздо ближе к солдатам»⁹.

Война стирала все социальные границы между людьми: и солдаты, и офицеры находились в равных условиях перед смертью. Офицеры делят с солдатами все тяготы походной жизни. И те и другие понимают, что друг без друга им не победить противника: «Офицеры для солдат по-прежнему оставались

⁵ См. об этом: Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений. Вильна: Электротипография «Русский почин», 1909. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/189754/read>.

⁶ Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений.

⁷ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство-СПб, 1994. С. 317.

⁸ Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений.

⁹ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 318-319.

господами. Но теперь существование их было осмысленно, мотивированно: воевать без них невозможно. Одновременно и офицеры увидели в солдатах соучастников в историческом событии»¹⁰.

В мирное время столичные гвардейцы и провинциальные армейцы представляли собой два резко отличавшихся полюса офицерской касты. Жесткими требованиями субординации были разделены также младшие и старшие офицеры, генералы. На войне все это потеряло значение. Лейб-гвардии Литовский и Измайловский полки, Павловские гренадеры, Кавалергардский и Конный гвардейские полки сражались на Бородинском поле плечом к плечу с казаками Платова, с солдатами и офицерами обычных армейских частей и погибали столь же героически, защищая общее для всех Отечество. Так зарождался в русской армии дух братства, товарищества, взаимовыручки.

Очевидно, многие русские офицеры в это суровое время пережили своего рода духовное перерождение, а молодые прошли бурный процесс формирования и становления своей личности. Некоторые из них вели дневники. Разумеется, прежде всего, в этих дневниках записывались сведения о сражениях, их ход, анализировались результаты. Но рядом с профессиональными заметками военного характера появляются и размышления о судьбах России, ее народа, об истории, о литературе, искусстве. Интересно, что уже в этих офицерских дневниках периода войны 1812 года обнаруживаются существенные черты, которые станут характерными для дневников 1820-х годов. С.И. Ермоленко, проанализировав обширный фактический материал, пришла к следующему выводу: «Дневниковые записи пушкинской поры существенно отличались от "журналов" предшествующего десятилетия тем, что в них исповедальное начало, без которого, казалось бы, нет дневника, уходит на второй план или даже совсем отсутствует. Содержанием дневника становится "как бы запечатленный на бумаге салонный разговор о политике, литературе, искусстве, театре, новостях придворной и светской жизни"»¹¹. Офицерские дневники периода Отечественной войны отличаются такой же внутренней закрытостью. Только вместо светских новостей в них фиксируются события военной, фронтовой жизни. Таков, например, дневник Александра Чичерина, которому в 1812 году было 19 лет, и который скончался в пражском военном госпитале после тяжелого ранения, полученного в Кульмском сражении. Анализируя его дневник, Ю.М. Лотман замечает следующие особенности. Содержанием записей являются в основном эпизоды военной бытовой жизни, часто случайные. У автора нет времени осмыслить происходящее, а потому он лишь скупо обозначает моменты, особенно поразившие или взволновавшие его: «После Бородинского сражения мы обсуждали ощущения, которые испытываешь при виде поля битвы; нечего говорить о том, какой ход мысли привел нас к разговору о

чувстве. Броглио не верит в чувство <...> Все это химеры, говорил Броглио, одно воображение: видишь цветок, былинку и говоришь себе: "Надо расстрогаться" и, хотя только что был в настроении самом веселом, вдруг пишешь строки, кои заставляют читателей проливать слезы. Я спорил, возражал ему целый час <...> Наконец пора было ложиться спать, а назавтра мы прошли через Москву»¹². Как видим, в палатке шел спор о серьезных вопросах, касающихся человеческой личности, души, о взаимоотношении важных для философского мироощущения эпохи категорий разума и чувства. Но автор дневника не вдается в детали спора, он лишь фиксирует суть позиции его участников. Не рассказывает он и том, какие переживания стали почвой для спора, а ведь молодые офицеры только что испытали сильнейшее эмоциональное потрясение, пройдя через ад Бородинского сражения и уцелев. Последняя фраза этой записи поражает как своей лаконичностью, так и тем, что за ней скрыто. Оставляя Москву, что чувствовали эти юноши? О чем думали? Мы можем только догадываться. Но, с другой стороны, чувства эти, скорее всего, нам понятны, поскольку это чувства каждого русского человека. Чичерин, проходя со своей частью по улицам Москвы, конечно, видел и толпы жителей, оставлявших свои дома. Но он ни слова не сказал об этом. Его молчание оказывается красноречивее слов. Ю.М. Лотман тонко замечает: «Если бы Чичерин описывал свои чувства не в походном дневнике, а – через много лет – в мемуарах, он обязательно написал бы, что они думали в ночь перед тем, как "прошли через Москву", о судьбах России. И это была бы правда: конечно именно такие мысли наполняли молодых офицеров перед оставлением Москвы. Но об этих сокровенных мыслях – слишком болезненных, – как правило, вслух не говорят – говорить о них нецеломудренно»¹³.

Важно отметить, что размышляли над этими вопросами, по-видимому, не все офицеры поголовно, но лучшая их часть, люди, как правило, превосходно образованные и уже привыкшие и умеющие думать. В.Г. Базанов справедливо напоминает, что, например, будущие декабристы прекрасно знали иностранные языки, изучали точные науки, философию, читали зарубежную литературу. В знании западной культуры, и притом с ее лучших сторон, они могли бы поспорить с самыми осведомленными из современных им европейских литераторов¹⁴. Многие из них ушли в армию, покинув университетскую скамью, а некоторые даже успели стать профессорами, например, Андрей Сергеевич Кайсаров, закончивший знаменитый Геттингенский университет, объездивший с целью образования и научных занятий пол-Европы, преподававший в Дерптском университете, автор известного трактата о славянской мифологии (погиб в партизанском отряде в

¹² Цит. по: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). С. 320-321.

¹³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). С. 321.

¹⁴ Базанов В. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. – М.: Гослитиздат, 1953. С. 128.

¹⁰ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 319.

¹¹ Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова: жанровые процессы: монография. – Екатеринбург, 1996. С. 52.

1813 году). В военных учебных заведениях того времени было достаточно хорошо поставлено не только профессиональное, но и общее образование. В русскую армию многие юноши приходили с развитым самосознанием. Они чувствовали себя не просто свидетелями великих исторических событий, но и их участниками, что так или иначе откладывало отпечаток на формирование их личности, их взглядов и убеждений. Ю.М. Лотман очень точно пишет об этом: «Война 1812 года дала целому поколению русской дворянской молодежи тот жизненный опыт, который привел мечтательных патриотов начала XIX века на Сенатскую площадь»¹⁵. Не случайно А.А. Муравьев-Апостол сказал о поколении декабристов: «Мы были дети двенадцатого года».

Таким образом, в силу специфических исторических обстоятельств к началу 1820 годов в русской армии сформировался особый тип офицера. Это был человек мужественный, прошедший школу сражений, свидетель и участник грозных исторических событий, человек действия, энергичный и инициативный. Офицер 1812 года был человеком, активно размышляющим над вопросами философского, исторического характера. Он остро ощущал несправедливость, неустройство окружающего мира и привык считать себя защитником гонимых и обездоленных. Наконец, он осознал себя патриотом, горячо любящим свою родину, готовым к самопожертвованию ради ее благополучия и спокойствия. Для него характерна трепетная любовь к русскому народу, братское, товарищеское отношение к простому солдату, с которым он делил тяготы военной реальности и победы над грозным врагом.

Именно такой характер и представлен читателям в образе героя «Писем русского офицера» Ф. Глинки. Герой молод: «Утешаюсь тем, что в двенадцать лет имел уже так много случаев познать свет и людей» (53). Он дворянин, но не богат: «Итак, друг твой, в корень разоренный Смоленский помещик, бедный поручик в синей куртке с пустыми карманами имел честь обедать вместе с тридцатью лучшими из русских генералов» (85).

Записки обнаруживают широкую эрудицию, образованность молодого офицера. В его личности ярко выражено интеллектуальное начало. С легкостью цитирует он известных философов (Лейбница, Вольтера, Макиавелли). Герой отлично знаком с произведениями мировой литературы. В одном из писем, описывая состояние французов на русской земле, он вспоминает «Гамлета» Шекспира: «Сотни стелющихся привидений, как Шекспировы тени, бродили около нас» (91), в других письмах ссылается на «Одиссею» Гомера: «Вспоминаю о прошлых тяготах и опасностях, как Улисс о своем странствии по морям» (192); «Читал ли ты Одиссею? Разумеется, читал! Ну так разве там только найдешь такое гостеприимство, какое находим мы здесь» (276).

Герой-повествователь – офицер, поэтому все события он воспринимает с точки зрения военного человека: описывает армейские будни, сражения,

оценивает шансы на победу, что придает запискам особую психологическую глубину и достоверность. Однако содержание записок не исчерпывается военной тематикой. Повествователь проявляет себя как наблюдательный, жаждущий новых впечатлений путешественник. Мы видим описания городов и селений, в которые забрасывала его военная судьба, характеристику местных достопримечательностей, природы, хозяйства, образа жизни, обычаев, ему интересны промышленность, сельское хозяйство, торговля, музеи и честные коллекции произведений искусства. «Путешественник поневоле» обнаруживает знание политического строя в разных европейских странах. Со знанием дела он рассказывает о планировке и архитектурных достопримечательностях Варшавы, Дрездена, Парижа. Так, несколько писем он посвящает описанию дрезденских музеев, картинной галереи, галереи статуй, оружейной палаты, собрания естественных редкостей.

Бросается в глаза историчность мышления героя Ф.Н. Глинки. Идея движущегося времени, вечно обновляющегося мира постоянно присутствует в его рассуждениях. Он интересуется историческими преданиями Польши, Германии, Франции. Так, в одном из писем герой подробно рассказывает об истории горы Цобтен: «В древнейшие времена на Цобтене был языческий храм и гора сия называлась тогда Суботка. В 1335 году Польша уступила Силезию королям Богемии. От них вместе с их собственной землей перешла она к австрийцам, а от сих досталась Фридриху, и была причиною семилетней войны» (197).

Герой мысленно переносится в далекое прошлое, сравнивая картины бегства людей из своих домов, свидетелями которых он невольно стал, с великим переселением народов: «Смотря на огромные обозы с различными имуществами несчастных, при которых старцы, жены и сироты печально идут, невольно вспомнишь о случавшихся в глубокой древности переселениях народов, но тогда гнев природы, потоп, мор и глад тревожили обитателей земных, а ныне расвирепевшие народы вооруженною рукою, так сказать, сталкивают друг друга с лица земли и плавают в крови собратий своих! Победенные с горестию убегают из родины своей, победители, вместе с смертью, пируют в их жилищах» (45).

Таким образом, перед читателем возникает образ автора записок – человека широко мыслящего, способного анализировать события, свидетелем которых он стал, включая их в исторический контекст и ища общие закономерности и причины происходящего.

Повествователь Ф. Глинки практически совсем не говорит о своих внутренних переживаниях, эмоциях. В этом отношении его записки очень близки дневнику Чичерина. Сознание героя обращено к внешнему миру, он старается постоянно узнавать что-то новое и размышлять над этим. Его глубоко волнует общее неустройство окружающей действительности, он задается вопросами общественного, философского, исторического характера. Свои собственные эмоции, внутреннюю жизнь души он вы-

¹⁵ Базанов В. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика. С. 314.

ражает не прямо, а косвенно, через повествование об увиденном.

Автор ведет свой дневник в условиях заграничных походов, и часто пишет при свете бивачных огней, на голом поле, иногда сразу после сражения или перед ним: «Среди дымящихся развалин города, под громом непрерывно лопающихся бомб и гранат, повсюду злодеями разбросанных, в тесной комнате полусожженного дома, пишу к тебе, друг мой!..» (87). Отсюда – особая лаконичность, сжатость каждого высказывания: «Предупреждаю тебя, что все описания мои с сей поры будут очень кратки: в авангарде нет ни места, ни времени к посторонним письменным занятиям» (86).

Повествование в «Письмах русского офицера» организовано по хроникальному принципу. У путешественника нет времени, чтобы обрабатывать материал, и часто несколько следующих друг за другом писем датируются одним и тем же днем. Например, одно письмо датируется: «Октября 29, в 10 часов утра», а следующие письма – «В 5 часов полудни», «В 9 часов вечера», «В 10 часов вечера» (34-35), или еще: письмо написано «25 августа. Утро», а следующие – «25. Сумерки», «С 25 на 26. Глубокая ночь» (70-71). Таким образом создается впечатление необработанности записок, их почти документальной точности и достоверности.

Многие записки состоят всего из нескольких строчек и представляют собой одно-два предложения. Например, письмо от 8 октября 1805 года звучит так: «Сегодня праздновали здесь пятнадцать дней пред сим одержанную австрийцами над французами небольшую победу» (28), или другое письмо, от 25 августа 1812 года: «Все тихо. Неприятель отдыхает, перевязывает вчерашние раны и окапывает крыло свое. И наши не дремлют – готовятся» (70). Фразы часто короткие, незаконченные, но в них заключено очень емкое содержание: «Многочисленное войско неприятельское колеблется: кажется в нерешимости. Вот пошатнулось было влево, и вдруг повалило направо. Огромные полчища двинутся на левое наше крыло. Русское спокойно смотрит на все с укрепляемых высот своих. Пыль, взвисяшая до небес, уседается. Даль яснее. Неприятель к чему-то готовится. Посмотрим, к чему?..» (70). Очевидно, запись сделана прямо в бою, во время короткой передышки. Повествователь описывает самое главное, у него нет времени на детальные описания. Благодаря такому приему читателя возникает ощущение непосредственного присутствия при описываемых событиях, впечатление оказывается очень ярким.

Повествованию в «Письмах русского офицера» свойственна особая внутренняя динамичность. Военные действия забрасывают автора записок в Германию, Польшу, Австрию, Венгрию, Саксонию, Силезию, Богемию, Францию. Города и страны быстро мелькают перед любопытствующим взором молодого офицера: «В начале октября был я несколько сот верст за Москвою, в Рязани, в Касимове, на берегах Оки. В ноябре дрались мы уже на границах Белоруссии, а 16 декабря пишу к тебе из Вильны. Так мыкается друг твой по свету! Такими

исполискими шагами шло войско наше к победам и славе» (101), а затем пишет еще: «В течение шести часов были мы в трех разных державах: в Силезии, Богемии и Саксонии» (143).

Часто повествователь прерывает свои рассуждения, описания городов, памятников культуры высказываниями о внезапном наступлении или начавшемся бое: «Итак, мы опять в Бауцене, в том прекрасном Бауцене, где я имел такую покойную квартиру, такого ласкового хозяина, который разговаривал со мною о тридцатилетней войне, о гуситах... Но вот выстрел!.. Еще другой!.. Пальба! Видно, неприятель наступает. Бросаю перо и сажусь на лошадь. Прощай!» (179). Как видим, повествователь был настроен на подробное описание: он явно хотел поделиться своими воспоминаниями о предыдущем пребывании в Бауцене, но успел лишь обозначить примерное направление своей мысли: в его сознании возник образ хозяина квартиры, в которой он прежде останавливался, и картина беседы с ним о событиях далекого прошлого. Подробно рассказать все это адресату он не успел. Однако несколько деталей все-таки позволяют читателю мысленно воссоздать то, что осталось за рамками повествования: «покойная» квартира, очевидно, была уютной, теплой, хозяева отнеслись к постояльцу гостеприимно, охотно общались с ним, а тема разговоров («тридцатилетняя война», «гуситы») размыкает рамки повествования, выводя воображение к широким горизонтам истории: тридцатилетняя война была одним из самых страшных испытаний для европейской цивилизации, а гуситское восстание под предводительством Яна Жижки являет собой пример одного из широчайших народных движений, имевших специфическую идеологическую направленность. Таким образом, буквально парой штрихов Глинка очерчивает масштаб сознания своего персонажа.

Усиливается ощущение достоверности повествования и за счет того, что герой сообщает только факты, которые видел сам, или со слов прямых очевидцев. Повествователь точно называет места дислокации войск, номера частей русской армии: «Гонендз, пограничное местечко в области Белостокской над рекою Боброю, имеет около 200 домов. <...> Здесь-то назначено сборное место всему авангарду генерала Милорадовича. Он состоит из 6-го и 7-го пехотных, двух кавалерийских корпусов и летучего графа Палена отряда» (108). Обязательно указываются точные даты сражений: «Так началось беспримерное сражение Бородинское 26 августа» (71); «Генерал сей ... дрался с превосходным в числе 26 дней непрерывно. Некоторые из сих дней как-то 29 августа, 17 сентября и 20 и 22-го того же месяца ознаменованы большими сражениями» (86). Перечисляются имена командующих, офицеров и простых солдат: «В сем сражении из нашего полку пал князь Сибирский, молодой любезный человек, имевший чин подполковника. <...> Отличились в Апшеронском полку офицеры: Морозов, Албинский, Воронеж, Скальской и Шушерин. Справедливость требует, чтоб не умолчать здесь об отличном подвиге и рядового Музен-Каца» (38); «Генералы:

Ермолов, Паскевич, Олсуфьев и Чоглоков храбростью и благоразумием своим содействовали к совершенному поражению врага. Полковник Потемкин наблюдал за движениями наших войск в опаснейших местах» (91). Приводятся точные данные о погибших, раненых, плененных: «В сии четыре дня для нас победоносные дня потеря неприятеля полагается убитыми до 20 000, в плен взято войсками генерала Милорадовича: генералов – 2, штаб- и обер-офицеров – 285, рядовых – сколько ты думаешь? – 22 000, пушек – 60!..» (94). Обилие информации статистического характера усиливает ощущение достоверности повествования, что придает рассказываемому особую убедительность, значимость. Читатель с уважением и вниманием относится к размышлениям человека, которому можно доверять абсолютно.

В Европе бушует война, и герой Ф. Глинки угрюмо всматривается в ее разрушительные последствия: «С нами ехал полковник Давыдов и показывал нам подробную топографическую карту тех мест. На ней означены были все поля сражений 7-летней войны. Мы отыскивали и нашли близ Герлица ту продолговатую гору, на которой дрался генерал Винтерфельд. Путешественники отыскивают следы древних зданий и городов. Умный и чувствительный Мориц искал в Италии места жилищ Горация, Цицерона и Вергилия, а мы отыскиваем места, где лилась кровь!..» (191).

Таким образом, при всей краткости, отрывочности, хроникальности повествование в произведении Глинки оказывается очень емким и насыщенным по содержанию. Сознание героя-повествователя оказывается значительно шире словесной ткани. Многие его аспекты остаются как бы за непосредственным текстом, но, тем не менее, доступны читателю. Достигается такой эффект не только благодаря широте ассоциативного фона, но и системе устойчивых мотивов.

Ф. Глинка не случайно выбрал эпистолярную форму для своего произведения, она позволяла говорить о чем угодно и не обязывала стремиться к завершенности, законченности каждого эпизода. При этом она тяготеет к исповедальности. В общении с другом и возникает важнейший для понимания как характера героя-повествователя, так и всей концепции произведения в целом мотив братства и дружбы. По всей видимости, адресат – очень близкий повествователю человек, с ним связаны многие воспоминания детства и юности: «Помнишь, как мы вместе читали Шиллерову трагедию «Разбойники», помнишь, как пугала нас страшная картина сновидения Франца Мора, картина, которую Шиллер с искусством Микель-Анджело начертил пламенным пером своим» (63).

В письмах присутствует момент диалога между повествователем и адресатом. Герой Глинки задает вопросы, на которые предполагаются ответы. Так, в письме от 7 октября 1912 года он пишет: «Скажу тебе, что генерал сей <...> дрался с превосходным в числе неприятелем с 29 августа по 23 сентября беспрерывно. Некоторые из сих дней <...> ознаменованы большими сражениями, по десяти и более часов продолжавшимися. Известно ль это у вас?». Часто

повествователь напоминает адресату о том, что уже писал раньше: «Вчера приехал к нам из пажеского корпуса сын Г. П. М...ча, о котором я тебе столько раз писал и которого благорасположение ко мне поставлю в великой цене» (87), или еще: «Но чаще всего делу уединение мое с человеком, которого приязнь, к неопisanному удовольствию моему, недавно только приобрел. Я уже писал тебе о нем. Ты легко угадаешь, что я хочу сказать об Александре Ивановиче Данилевском» (193).

Некоторые письма написаны в форме ответа: «Исполняя просьбу твою. Вот несколько образчиков слога и содержания того занятия, над которым трудился я почти во все время перемирия. Целое покажется в свое время, теперь взгляни покамест на части» (207).

Мы не видим писем адресата, но по вопросам, которые задает повествователь, можем предполагать, что было в предыдущем письме, что будет в следующем. Таким образом, перед нами не только вырисовывается образ адресата – близкого друга повествователя, у которого есть своя жизнь, свои мечты, интересы, потребности, но намечается и общая логика, канва диалога между ним и автором писем.

Мотив дружбы у Ф. Глинки оказывается тесно слитым с мотивом братства. Герой-повествователь очень часто говорит о своих братьях, с которыми у него близкие, теплые отношения. Братья думают друг о друге, постоянно находятся в поле зрения друг о друга: «По счастью, на то самое место, где случился я с братом, привели уже около вечера брата нашего Григория. Он был ранен пулей в голову. Рана опасна, но не смертельна. Искусный лекарь перевязал ее. Мы поспешили проводить раненого в Можайск» (73). Они беспокоятся друг за друга: «Я и старший брат с нетерпением ожидали, пока выйдет брат наш Григорий из огня. Он был 12 часов в стрелках и дрался так храбро, как только может драться смолянин за свой отечественный город» (62). Братья стремятся видаться как можно чаще: «Только что мы дали о себе знать брату Владимиру, находившемуся за сорок отсюда верст при своей роте, и он уже здесь! Он выехал на дрожках, потом скакал верхом, а во многих местах принужден был идти пешком: так дурна дорога! Как обрадовался я свиданию с ним! Все неприятности пути награждены!..» (258).

Но и своих друзей-офицеров повествователь считает родными, так как имеет общие с ними воспоминания, которые сближают и роднят их: «Общество офицеров в сем полку прекрасное, солдаты отменно хороши. Объехав несколько полков, я везде находил офицеров, которые принимали меня как истинные друзья, как *ближайшие родные*. Кто же такие эти прекрасные люди? – спросишь ты. – Общие наши товарищи» (58).

Таким образом, для повествователя родные, братья становятся друзьями, а друзья становятся родными

С нашей точки зрения мотив братства и дружбы имеет принципиальное значение для понимания всей концепции характера героя Ф. Глинки.

Ю.М. Лотман замечает: «Для декабристов была характерна <...> тенденция: бытовые, семейные, человеческие связи пронизывали толщу политических организаций. Если для последующих этапов общественного движения будут типичны разрывы дружбы, любви, многолетних привязанностей по соображениям идеологии и политики, то для декабристов характерно, что сама политическая организация облекается в формы непосредственно человеческой близости, дружбы, привязанности к человеку, а не только к его убеждениям. Все участники политической жизни были включены и в какие-либо прочные внеполитические связи. Они были родственниками, однополчанами, товарищами по учебным заведениям, участвовали в одних сражениях или просто оказывались светскими знакомыми»¹⁶.

Действительно, никогда больше в истории России, ни в одном политическом движении мы не встретим такого количества родственных связей, как у декабристов. «Не говоря уже о целом переплетении их в гнезде Муравьевых – Луниных, – пишет об этом Ю.М. Лотман, – или вокруг дома Раевских (М. Орлов, С. Волконский женаты на дочерях генерала Н.Н. Раевского; В.Л. Давыдов, осужденный по I разряду к вечной каторге, – двоюродный брат поэта – приходится генералу единоутробным братом), достаточно указать на четырех братьев Бестужевых, братьев Вадковских, братьев Бобрищевых-Пушкиных, братьев Бодиско, братьев Кюхельбекеров. Если же учесть связи свойства, двоюродного и троюродного родства, соседства по имениям (что влекло за собой общность воспоминаний и связывало порой не меньше родственных уз), то получится картина, которой мы не найдем в последующей истории освободительного движения в России»¹⁷.

Не менее значимым представляется нам и второй сквозной мотив «Писем русского офицера» – мотив национального самоопределения героя.

Реализуется этот мотив в сюжете через линию взаимоотношений героя-повествователя и солдат. Персонаж Глинки с любовью относится к ним и к русскому народу вообще. Он много говорит о солдатах, об их отваге, героизме: «Удивительно, как привыкли здесь к смерти, в каких бы видах она не являлась: свистит ли в пулях, сеется ли в граде картечь, или шумит в полете ядер и вылетает из лопающихся бомб, – ее никто не пугается. Всякий делает свое дело и ложится в могилу, как в постель. Так умирают сии благородные защитники Отечества!» (68), или, описывая одно из сражений, повествователь замечает: «Наша артиллерия действовала искусно и удачно. Солдаты дрались с невероятной храбростью. Оторванные руки и ноги во множестве

валялись на берегу, и многие офицеры и солдаты, лишившись рук и ног, не хотели выходить из огня, поощряя других примером своим» (174).

У героя сложились теплые, дружеские отношения с солдатами, он любит проводить с ними время, общаться, и при любом случае не устает восхищаться ими: «Всякий раз, когда, идя с солдатами во время ночных переходов, завожу с ними разговор или слушаю их разговаривающих, то во всех поступках их замечаю ревностное и пламенное желание стать и сражаться!» (65). Повествователь не отделяет себя от солдат, он делит с ними все тяготы походной жизни: «От Браунау до Кремса, около четырехсот верст, шли мы день и ночь и во все время становились лагерем всегда на голом поле, без палаток и всякого прикрытия, кроме самых худых шалашей из соломы или тростнику, а от сильного холода согревались у огня, который каждый у своего шалаша раскладывал» (29). Такому сближению героя с солдатами способствует ситуация войны. У всех них одно общее дело: защита своего Отечества. Дворянин и крестьянин оказываются равны перед лицом общей опасности: «Настают времена, когда и богатые, оставляя великолепные чертоги, равняются с бедными и умножают толпы бегущих...» (65). Герой начинает чувствовать себя частью народа.

Не случайно говоря об офицерах и солдатах, герой Глинки часто употребляет местоимение «мы». Н.Д. Кочеткова замечает по этому поводу: «Слово "мы" в "Письмах" Глинки оказывается многозначным: оно объединяет самого автора с его ближайшими товарищами по оружию ("Мы ложимся и встаем под блеском зарев и громом перестрелок") и, более широко, со всеми участниками народной войны против Наполеона. "Мы", "наши" – становится синонимом понятия "русский народ", и некоторые строки Глинки звучат как слово оратора, выступающего перед народом и от имени народа: "Но войско наше кипит мужеством; но любовь к Отечеству овладела сердцами всего народа; но бог и Кутузов с нами – будем надеяться"»¹⁸.

Дорога войны становится для русского офицера, автора и героя записок дорогой жизни, дорогой к себе и своему народу. Отныне личная судьба его будет неразрывно связана с судьбой всей нации, Отечества. Таким образом, мы можем сделать вывод, что в образе своего героя-повествователя Ф. Глинки в обобщенной форме воплощает черты, которые станут определяющими в типе декабриста. Тем самым писатель непосредственно влияет на процесс формирования в среде своих читателей нового типа общественного деятеля, сыгравшего впоследствии такую важную роль в истории России.

¹⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). С. 377-378.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Кочеткова Н.Д. Ораторская проза декабристов и традиции русской литературы XVIII века (А.Н. Радищев) // Литературное наследие декабристов. – Л.: Наука. С. 109.